

Как вспоминал поступивший в это же время в подготовительный класс князь В.П. Мещерский, «в руках нашего доброго Папа Берара мы чувствовали себя как будто в своем доме, в своей семье; каждый из нас сознавал свою детскую личность не только существующую для наших воспитателей, но до известной степени им близкою: между ими и нами был постоянный обмен впечатлений, и самая строгость никогда не теряла характера семейного, дружеского или отцовского обращения...» (Князь Мещерский. Воспоминания. М. 2001. С. 12).

Первое время пребывания Петра Чайковского в подготовительном отделении протекало относительно спокойно, так как его часто навещала мать, и отпускные и праздничные дни он проводил с нею. Но вот пришло время, когда Александра Андреевна должна была уехать в Алапаевск к месту службы супруга. День отъезда матери и прощание с нею в жизни будущего композитора стали самым ужасным моментом, подробно описанным Модестом Ильичом: «Дело происходило на Средней Рогатке, куда по обычаю тех времен ездили провожать отъезжающих по Московской дороге... Пока ехали туда, Петя поплакивал, но конец путешествия представлялся отдаленным и, ценя каждую секунду возможности смотреть на мать, он сравнительно казался спокоен. С приезда же к месту разлуки он потерял всяческое самообладание. Припав к матери, он не мог оторваться от нее. Ни ласки, ни утешения, ни обещания скорого возвращения не могли действовать. Он ничего не слышал, не видел и как бы слился с обожаемым существом. Пришлось прибегнуть к насилью и бедного ребенка должны были оторвать от Александры Андреевны. Он цеплялся, за что мог, не желая отпускать ее от себя. Наконец, это удалось. Она с дочерьми села в экипаж. Лошади тронули, и тогда, собрав последние силы, мальчик вырвался из рук и бросился с криком безумного отчаяния бежать за тарантасом, стараясь схватиться за подножку, за крылья, за что попало, в тщетной надежде

остановить его...» (Чайковский М. Жизнь Петра Ильича Чайковского в 3-х т., М.-Лейпциг, 1900. Т. 1. С. 61).

Тоска по матери преследовала Петра все два года учебы в подготовительных классах и тяжело отозвалась на настроении и учебе десятилетнего ребенка.

В Петербурге Петра и его брата Николая, который учился в горном корпусе, опекал друг их отца Модест Алексеевич Вакар. Когда в подготовительных классах возникла эпидемия скарлатины, учеников разобрали по семьям, и Петра взял в свою семью Модест Алексеевич. Но его пятилетний сын Коленка заразился от Петра и вскоре скончался. После этого трагического события жизнь Петра Чайковского в училище стала еще тоскливее. Он часто плакал втихомолку, считая себя виноватым в смерти ребенка, был грустен, неразговорчив. Воспитатели старались приласкать мальчика, на выходные дни брали его в семьи. О воспитателях Василии Мартыновиче Гоббе, Шильдер-Шульдере и начальнике Бераре Петр Ильич сохранил самые светлые воспоминания. После отъезда из Петербурга опекуна Петра М.А. Вакара заботу о нем и его брате Николае до переезда их родителей в Петербург взял на себя Платон Алексеевич Вакар и его супруга Мария Петровна Маркова. После окончания младшего отделения подготовительных классов, которое Чайковский окончил по всем предметам, кроме латыни и Закона Божьего на «полный балл», Мария Петровна увезла его с собой в деревню неподалеку от Петербурга. Петр был счастлив, матери он писал: «Вы не можете себе представить, как я весело провожу время. Эта деревня очень красива! Окрестности восхитительны. Расположена она на холме, против нее аллея, ведущая к озеру, в котором много рыбы, налево от аллеи — птичья. С другой стороны дома сад, за этим садом большая аллея, ведущая в рощу. С другой стороны дома маленькое село Надино. Вдали видна церковь...» (Чайковский М. Жизнь Петра Ильича Чайковского в 3-х т., М.-Лейпциг, 1900. Т. 1. С. 83).